

целина"! А кровавые нападки на писателей-диссидентов Даниэля и Синявского! Но Полохов несомненно обладал талантом: "Тихий Дон" - одна из лучших книг послереволюционной литературы. И то, что он пережил тяжелую творческую драму - видно невооруженным глазом: это и загадочное молчание, продолжавшееся годами, и полный творческий застой, и настойчивые слухи об алкоголизме. Все это говорит о том, что крупный писатель действительно пережил творческую драму.

Другого рода драма произошла с еще одним Нобелевским лауреатом, Александром Солженицыным. Его "Один день Ивана Денисовича" - книга не только прекрасная, но и "знаковая", как теперь модно выражаться. Она обозначает целую эпоху жизни нашего народа. Хороши также "Матренин двор", многие страницы "В круге первом" и "Ракового корпуса". А "Архипелаг ГУЛАГ" - настоящий подвиг писателя-гражданина, великое публицистическое произведение. Но уже В. Набоков, даже не успев познакомиться с более поздними произведениями Солженицына, называл его "просто журналистом". Гражданственность сыграла плохую шутку с огромным талантом писателя. Основатель парижского знаменитого журнала "Континент" Владимир Максимов писал:

"Подлинно гениальные "Матренин двор" и "Архипелаг ГУЛАГ" мирно соседствуют у Солженицына с весьма скромным по своим литературным достоинствам "Августом Четырнадцатого" и основательным, но без подлинного блеска и размаха "Раковым корпусом"... Что же касается "Красного колеса", то это не просто очередная неудача. Это неудача сокрушительная. Тут за что ни возмись - всё плохо. Историческая концепция выстроена задним умом... Герои, как на подбор, функциональны, вместо полнокровных живых характеров - ходячие концепции. Любовные сцены - хоть святых выноси. Язык архаичен почти до анекдотичности". /49, с.601/

Пренебрежение художественностью, чрезмерный политический и этический пафос в ущерб эстетическому оформлению мыслей, плохо скрытое пророческое самосознание и пророческое же, поучающее изложение некоторых небесспорных истин, сознательно неприязненное отношение к ценностям западного либерализма и "негражданскому" искусству - всё это привело А. Солженицына в лагерь православного консерватизма, граничащего с мракобесием. В художественном отношении результатом стало самоуничтожение себя как художника. Вычурность языкового оформления, так удачно спародированная В. Войновичем в романе "Москва 2042", делает книги Солженицына почти нечитабельными. Юрий Нагибин, сам великолепный стилист, вообще отрицал литературное /не гражданское/ значение книг Солженицына:

"Гениальность "Одного дня Ивана Денисовича", "Матренина двора", "Ракового корпуса", "Архипелага ГУЛАГ" - подвиг гражданский, но не литературный, а "Ленин в Цюрихе", статья "Наши плюралисты" и вторая редакция "Августа Четырнадцатого" - затмения громадного ума, громадной личности, громадного художественного духа. Можно сказать и сильнее: крушение великого писателя". /60, с.601/

Конечно, фигура А. Солженицына настолько крупна, что ее оценка не ограничится только сегодняшним днем. Но это наглядный пример диспропорции гражданственности и эстетики в литературном творчестве. Искусство и народ - предмет весьма тонкий. Не менее щепетильно надо относиться и к теме литературы и личности. Здесь всякий "перебор" грозит обернуться какой-либо крайностью. Однако имеет смысл предположить, что Высокая Литература, как произведение Духа, должна иметь своего рода "охранную грамоту" перед достаточно бездуховным, а зачастую и бессознательно враждебным литературе феноменом, каковым почти всегда является народ.

§ 27. Гуманизм и антигуманизм. Гуманизм как мировоззрение человеколюбия, свободы и равенства людей - "изобретение" не вчерашнего дня. Гуманно практически все религиозные системы, а религия существует многие тысячи лет. Были эпохи, когда можно было говорить об утверждении гуманизма в качестве основного мировоззрения - например, Ренессанс. Очень тесна связь гуманизма с религией и искусством как с ярчайшими проявлениями человеческого духа. Искусство "высшей пробы" всегда гуманно. В искусстве действителен именно элемент гуманизма - само по себе искусство пассивно. Жан-Поль Сартр в своей книге о детстве "Слова" пишет:

"Культура ничего и никого не спасает... Но она - создание человека, он себя проецирует в нее, узнает в ней себя; только в этом критическом зеркале видит он свой облик". /76, с.428/

Век двадцатый веком гуманизма так и не стал: начавшись мировой войной, он был столетием непрерывного кровопролития. Однако кризис гуманизма обозначился гораздо раньше. В своей философской автобиографии Николай Бердяев пишет о его проявлениях:

"Достоевский и Ницше с наибольшей силой обозначают этот кризис гуманизма, этот переход его в антигуманизм, в отрицание человечности... Это человек бесчеловечен, Бог же человек. Человечность есть основной атрибут Бога". /8, с.178/

Сказав о Достоевском, Бердяев затронул самую суть, главный нерв не только творчества, но и личности гениального писателя: его действительно мучила теодицея*. Каким образом можно принимать Божий мир, если в нем существуют зло, неправда, страдание?

Герой Достоевского Иван Карамазов отказывается принимать этот мир. Он рассказывает брату Алеше историю о том, как помещик затравил крестьянского мальчика собаками, и заключает отказом от "высшей гармонии", которая не стоит и одной слезинки замученного ребенка. Другой герой писателя, больной и злобный "парадоксалист", как его называет сам автор, тоже не согласен на мировую гармонию, на хрустальный дворец, во имя построения которого сам он был бы только средством:

"Свое собственное, вольное и свободное хотение, свой собственный, хотя бы самый дикий каприз, своя фантазия, раздраженная иногда хоть бы до сумасшествия, - вот это-то и есть та самая, самая выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит и которой все системы и теории постепенно разлетаются к черту".
/ "Записки из подполья" /

Но и простой обыватель, и житель "подполья", и вдохновенный певец - все были загнаны в "котлован" стройки невиданного "хрустального дворца", дворца, где поселится Царство Божие на земле - дворца, который никогда не будет построен. Нельзя построить рай адскими способами. Нельзя мечту человечества вводить, как чрезвычайное положение, когда средства для ее воплощения бесчеловечны. Нельзя ожидать, как чеховские герои, "неба в алмазах", если вокруг попирается человеческое достоинство, а сама человеческая жизнь не стоит и копейки.

Зло ширилось и росло. Грандиозности замысла - осчастливить навеки все человечество - соответствовала грандиозность ужасов "средневековья XX века", новой инквизиции уже нечего было заимствовать у инквизиции старой, инквизиторы и гестаповцы изобретали все новые и новые методы работы с "человеческим материалом". Об этом пишет А. Солженицын в своем "Архипелаге ГУЛАГ":

"Если бы чеховским интеллигентам, всё гадавшим, что будет через

* - от греч. *theos* - Бог + *dike* - право: богооправдание, попытка объяснить сосуществование Бога и чего бы то ни было злого, дурного.

двадцать-тридцать-сорок лет, ответили бы, что через 40 лет на Руси будет пыточное следствие, будут сжимать череп железным кольцом, опускать человека в ванну с кислотами, голого и связанного пытаться муравьями, клопами, загонять раскаленный на примусе шомпол в анальное отверстие... ни одна бы чеховская пьеса не дошла до конца, все герои пошли бы в сумасшедший дом".

179, с. 57/

Немыслимое, нечеловеческое страдание, вызванное зверствами пыток, приносило палачам наслаждение. Дегуманизация, обезчеловечивание человека-палача стало результатом особого, дегуманизованного воспитания. Это было воспитание ненависти - классовой, расовой, какой бы то ни было, но **н е н а в и с т и**.

Гуманизм ужаснулся: ведь воспитываются чувства любви, дружбы, верности - не ненависти. Но ненависть воспитывалась, она лелеялась, пестовалась, как чудесный цветок. Она нужна была для **в ы с ш и х** целей - верно ведь говорят, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Таким образом, лишались человеческого облика и тот, кого пытали, и тот, кто пытал. Образ и подобие Божие были превращены в сатанинское порождение. И это было заразительно: маоисты-полпотовцы в Камбодже проявляли такую же бесчеловечность. Так что говорить об антигуманизме как о мировоззрении, имеющем какую-то национальную, расовую или классовую "прописку", не приходится. Зверели и белые, и черные, желтолицы и краснокожие.

В связи с чрезвычайным размахом зверств и ужасов, наполнивших XX век, стало настоятельной необходимостью пересмотреть основы гуманизма, как они заложены в христианстве. Можно ли было смотреть и на все эти зверства, осуждать их и ничего не предпринимать? Справедлив ли в такие моменты Господень принцип непротивления злу силой? Русский философ Иван Ильин приходит к убеждению, что нет:

"Прав тот, кто оттолкнет от пропасти зазевавшегося путника; кто вырвет пузырек с ядом у ожесточившегося самоубийцы; кто вовремя ударит по руке прицелившегося революционера; кто в последнюю минуту собьет с ног поджигателя; кто выгонит из храма кощунствующих бесстыдников; кто бросится на толпу солдат, насилующих девочку". /32, с. 54/

Нацизм был уничтожен и осужден публично и всемирно; коммунизм как государственная система перестал существовать в Европе, видоизменился в Китае и Вьетнаме, и теперь строит свой "хрустальный дворец" только в нищих Северной Корее и на Кубе.

Но значит ли это, что теперь повсеместно и триумфально восторжествовал гуманизм? Нет, к превеликому сожалению, нет. Антигуманизм стал изощренней, научился надевать маски, стал умней. Но от этого он не утратил своей противоестественной бесчеловечной сущности. Несколькими личинами антигуманизма, наиболее часто встречающимися в нашей жизни, мы и рассмотрим сейчас.

Одна из личин антигуманизма - открытая и скрытая несправедливость в экономической сфере. Наш пока еще "дикий" капитализм породил множество мелких и средних частных предприятий, наемные работники которых по существу бесправны. Мы часто предъявляем претензии к государственным предприятиям и учреждениям, порой ущемляющим наши права. Так что же говорить о "частных лавочках", где своя рука владыка? Надо называть вещи своими именами: эксплуатация - необходимый компонент производственных отношений; где существует наемный труд, будь то труд учителя или официанта в частном баре, там существует и эксплуатация этого труда нанимателем, будь то государство или частное лицо. Но необходимо, чтобы эта эксплуатация имела определенные правовые рамки, не позволяющие применять несправедливые методы и приемы.

Сюда же следует отнести и социальную несправедливость? Семьдесят лет нас учили, что в советском обществе нет богатых и бедных, хотя на деле были и те, и другие. Мы привыкли к полному социальному "равенству нищеты". Люди состоятельные всячески скрывали свои доходы, ибо в характере русских есть своеобразно извращенное чувство справедливости: у нас с Петром нет телевизоров, но мы не пойдем смотреть футбол к Ивану, потому что он "куркуль", и нам не друг - непьющий. Реформы позволили состоятельным людям выйти из тени, поэтому определенное, порой весьма ошутимое, неравенство в имущественном статусе стало явным. Но является ли это неравенство социальной несправедливостью? Надо признать, что при равных возможностях это неравенство справедливо.

Другая личина антигуманизма сегодняшнего дня - бездушие человека. Питирим Сорокин в книге "Социальная и культурная мобильность" /1927/ писал о человеке в обществе:

"...определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его /их/ отношение к другим людям и другим социальным явлениям..." /87, с. 298/

Так вот, это отношение сейчас чаще всего характеризуется либо безразличием, либо завистью и враждебностью; и то, и другое - проявления бездушия. Ценности уважения, дружбы, взаимовыручки нынче не в цене.

Напрасно мы стали бы сейчас вспоминать времена, когда мужики всем селом сбегались тушить пожар, а проиграв битву с огнем, сообща "ставили" погорельцу новую избу. Время теперь иное: тускнеет дружба между друзьями, чужой человек кажется подозрительным и враждебным. Первый корень бездушия - то самое неравенство, о котором говорилось выше; второй корень - бездуховность. Где нет духа, там исчезает и душа: в каком видео, на каком диске вы увидите теплые, чистые отношения отцов и детей, супругов, друзей? Израильский философ Мартин Бубер в книге 1923 года "Я и Ты" писал:

"Не существует Я самого по себе, а только Я основного слова Я-ТЫ и Я основного слова Я-ОНО. Когда человек говорит Я, он имеет в виду одно из этих двух..."

и далее:

"...как покоряюта Я-речь Иисуса и как несомненно убедительна! Ибо это - Я абсолютного отношения, где человек свое ТЫ называет "Отцом", так, что сам он уже только сын, и никто иной". /15, сс. 294 и 336/

Третья личина антигуманизма - меркантилизм /он же - накопительство, он же - вешизм, он же - мелочность/. Это уже социальная болезнь века. У людей состоятельных она выражается в бездумном и нерациональном накопительстве, у людей среднего достатка - в вешизме /когда какая-либо вещь становится своеобразным идолом, и все мысли направлены сначала на ее приобретение, а потом - на сугубый уход за ней/, у людей низкого достатка - в мелочности.

Этот моральный дефект - естественное следствие технократического влияния нашего времени на человека. Противопоставить ему можно только духовность, которую Габриэль Марсель называл трагической мудростью:

"...истинная мудрость нашего века... заключается в том, чтобы... пуститься по тропам, ведущим, не скажу - за пределы времени, но за пределы нашего времени, туда, где технократы и статистики... не только теряют почву под ногами, но исчезают, как туман на заре прекрасного дня". /54, с. 364/

Четвертая личина антигуманизма, потребительство, неразрывно связана с третьей; ее, однако, характеризуют больше волевые, нежели действительные моменты. Потребитель, каковым является подавляющее большинство наших современников, воплощает в жизнь принцип: удовлетворение моих

потребностей - прежде всего. Потребительство проявляется не только в сфере материальной /пища, одежда, жилье и т.д./ . Оно проникло в социальные взаимоотношения /выгодное знакомство, использование служебного положения и т.д./ и даже в сферу духовную /музыка, кино, литература, рассчитанные на потребительские вкусы: шлягеры, сериалы, низкопробные детективы/. Социальная и духовная сферы становятся сферами таких же материальных благ.

Еще в 1930 году в статье "Почему мы вновь вернулись к философии" Хосе Ортега-и-Гассет выражал надежду на то, что

"Мы наконец-то начинаем понимать, что это навязчивое желание покорить природу, приспособить ее к своим нуждам, это преклонение перед материальными благами есть такое же спорное руководство к действию, как и любое другое". /68, с.17/

С тех пор, однако, эта проблема только еще более обострилась.

Последняя, самая опасная личина - бездуховность. Она связана со всеми остальными: человек, живущий духовной жизнью, никогда не будет бездушен, меркантилен; он выше неравенства и потребительства. Но общество в целом, как и абсолютное большинство видящих в него людей, бездуховны. Если мы религиозны, то лишь на обрядовом, чисто внешнем уровне. Наши эстетические вкусы попросту пещерны. Наша мораль примитивна и антигуманна.

Собственно говоря, кризис гуманизма - это прежде всего бездуховность. Человек, занятый духовными переживаниями, всегда был одинок. Но сегодня весь трагизм жизни такого человека вступил в ту стадию, которую всем своим творчеством и всей своей жизнью проиллюстрировал "несчастнейший" философ XIX века Сёрен Кьеркегор. Внимательно изучавший его Лев Шестов, как бы почувствовав, что страдальческая судьба Кьеркегора предвосхищает судьбу мыслящего человека на рубеже XX и XXI веков, писал о нем в книге "Афины и Иерусалим" /1938/:

"Он призывал на себя все ужасы жизни, да они, кстати, как мы знаем, и без зова шли к нему, но не затем, чтобы явить из себя образец высокой добродетели... Он ждал от ужасов чего-то иного: Бог может вернуть закланного Исаака его отцу... Он точно скопировал все силы и все способности своей души к отчаянию - начало философии не удивление, как учили греки, а отчаяние, писал он". /114, т.1, с.482-483/

§ 28. Эволюция гуманизма. Отслеживая развитие русской мысли с конца XVIII - начала XIX веков, от Сковороды и Чадаева, через Соловьева и мыслителей "серебряного века" до наших дней, мы имели возможность убедиться: почти все учения в значительной степени антропологичны, иногда даже антропоцентричны.* Это дает нам основание предложить определение XIX века как века в целом оптимистической, гуманистической идеи, коренящейся в глубоком христианском чувстве, которым проникнуты произведения русской культуры. Тезис о Богочеловечестве и связанный с ним общим гуманистическим пафосом тезис о свободе человека были выражены уже Владимиром Соловьевым:

"Только при признании, что каждый действительный человек своею глубочайшею сущностью коренится в Божественном мире... можно разумно допустить две великие истины, безусловно необходимые... для человеческой жизни вообще, я разумею истины: человеческой свободы и человеческого бессмертия". /81, т.3, с.127/

* от *antropos* - человек + *logos* - слово, учение /греч./ - совокупность наук о человеке; здесь - "сосредоточенные на человеке";

от *antropos* + *kentron* - центр /греч./ - абсолютизация человека.

Затем, как уже говорилось в предыдущем параграфе, великий гуманист Достоевский обозначил для нас трещину в здании гуманизма, чутко уловив признаки начавшегося кризиса и отразив его в "Записках из подполья", "Бесах" и особенно в "Братьях Карамазовых". Трещина углублялась и расширялась. Появились бесчеловечные, а значит, античеловечные учения, а за ними и "практики" - те самые "бесы" русской революции, о которых писал Достоевский. То есть, они существовали и при жизни писателя, но теперь стали и применяться.

Вот эти-то самые "бесы" революции кардинально изменили жизнь России. Иначе и быть не могло: их нигилистическое, морализирующее учение, со всем мыслимым и немыслимым экстремизмом, принялось за переделку тысячелетней морали христианства. Само обладая всеми признаками религии, это учение фанатично искореняло христианскую мысль и нравственность. Столкнулись антигуманистическая религия Человекобожества и гуманистическая религия Богочеловечества. Но идеологи воинствующего антихристианства просчитались: в русском народе осталась незадушенной мысль, требующая воплощения в жизнь:

"От непроизводительного, противокультурного нигилистического морализма мы должны перейти к творческому, созидающему культуру религиозному гуманизму". /103, с.184/

Воплотить эту мысль удалось лишь частично. Нигилистическая религия безбожия относительно тихо скончалась, попросту изжив себя в постиндустриальную эпоху, когда ей стало не во что пускать корни. Но мы еще не пришли к религиозному гуманизму, т.е. не возвратились к учению Христа. Теперь этому переходу противодействуют не коммунистические идеи, все еще живущие в определенной части русского народа. Противником гуманизма сейчас выступает технический прогресс.

Последние десятилетия отмечены небывалой вспышкой технизации и автоматизации, захвативших все сферы экономики и быта, оказывающих серьезное влияние на сам *modus vivendi** человечества. Это влияние, несомненно, затронуло и глубинные основы человеческой морали - причем явление это не национальное, а глобальное. Его опасность почувствовал еще перед Второй мировой войной Николай Бердяев. В книге "Судьба человека в современном мире" /1934/ он писал, что

"Дегуманизация и есть, прежде всего, механизация и технизация человеческой жизни, подчинение человека машине и превращение его в машину". /10, с.344/

Со времени написания этой книги минуло семьдесят лет. Машины и автоматы стали еще "умнее", "ловчее", т.е. "человечнее". А человек? Стал ли он человечнее? Или, силой своего разума наделив машины частью своих функций, настолько же и обезчеловечился? Думается, что ответы на эти вопросы не порадуют никого.

К тому же, как уже говорилось выше, антигуманизм активно выступает под разными личинами - как на личностном уровне, так и на уровне общества. Если прибавить ко всему сказанному еще и глобальные проблемы, объективно имеющие антигуманистическую природу, то картина получится нерадостная. Пусть угроза новой мировой войны /будем считать/ миновала. Но остались: перенаселение планеты при неравномерном росте различных рас; возможность катастроф глобального характера - экологической, климатической, демографической; угрозы голода, эпидемий; повсеместный рост преступности, моральная распущенность молодежи, полный идейный, нравственный, психологический хаос.

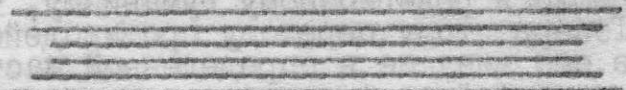
Совершенно очевидно, что в таком туннеле, в конце его может быть только один свет - свет Христа, т.е. свет Веры, Надежды, Любви. Римско-католическая, протестантская и православная Церкви пытаются что-то

* способ существования /лат./

предпринять в этой области, но всем трем в значительной степени мешает консерватизм и догматизм. Пришло время каждому осмелить свое место в мире, обратиться к вечным истинам и ценностям, и посылить помощь в этом ближним своим. Не к Добру сейчас зовет измученный человеческий дух: ему поможет только то, что одновременно есть Добро и нечто выше Добра:

"Добро - братская любовь, - мы знаем теперь из опыта Нитше - не есть Бог. "Горе тем любящим, у которых нет ничего выше сострадания". Нитше открыл путь. Нужно искать того, что выше сострадания, выше добра. Нужно искать Бога".
/П17, т.2, с.87/

Обретя Бога, обретем добро, обретем сострадание, обретем Веру, Надежду, Любовь. Царство человечности заменит царство бесчеловечности, но и здесь не остановимся - через вдохновенное творчество, через действия, основанные на гуманистических идеалах любви, дружбы, милосердия, самопожертвования, - проложим путь к царству Богочеловечности, и тогда весь мир, с его злом, ложью, насилием и страхом, рассыпется в прах, и воссияет нам Чистая Духовность, существующая лишь Царстве Божиим. С этой единственной религией, религией Богочеловечества и Чистой Духовности, освободим свой измученный дух от цепей мира сего, и "да придет Царствие Твое!" Аминь.

10.05.2014

10.05.2014